Хайдар БЕДРЕТДИНОВ

Рождество близ Сиднея

Отшумели, если так можно сказать, новогодние праздники, потому что шума-то и не было. Ни тебе выступления президента, ни «Голубого огонька» по всем программам, ни, опять же, песен за стенкой и во дворе, ни катаний на санках всю ночь и чернения снега оглушительными петардами. Единственное — самый лучший салют в мире, в полночь на мосту Харборбридж...

Австралийцы к Новому году относятся как-то без пиетета. В отличие от Кристмаса, Рождества их католического. Ну, такие традиции ненашенские. Но и у нас до революции праздновали только Рождество. Советская власть в интересах антирелигиозной пропаганды сделала акцент на празднование Нового года, используя рождественские атрибуты, такие, как ёлка, например, но уже не с Вифлеемской звездой, а с кремлёвской, пятиконечной.

В Сиднее подготовка к встрече Рождества начинается за месяц. Торговля само собой: в магазинах и товары, и многоэтажные наряженные ёлки. В городе на различных площадках проводятся фестивали Санта Клауса. Каждое воскресенье — праздничные гулянья, представленья на воде и суше: пяток Санта Клаусов на водных лыжах с искрящими факелами накручивают по заливу, народ с детьми гуляет, угощается дотемна, а потом начинается невообразимый фейерверк. Плавают разукрашенные парусники. Детский хор поёт и пляшет. Гремит музыка: в непрерывных вариациях «Джингл беллс». Снуют коробейники со светящимися игрушками и сувенирами. Места на набережных и в окружающих залив кафе-ресторанчиках в два яруса занимают уже за час-два.

Но впереди ждут рождественские святочные истории. В последний день занятий в Русской школе, когда перед долгими каникулами подводили итоги, вручали грамоты и поздравляли выпускников, я познакомился с официальным представителем Русской общины Австралии по Новоюжноуэльскому штату, который награждал премиями лучших. Оказалось, он уже 60 лет в Австралии, а родился в Харбине. По счастливой случайности он оказался старостой прихода православного храма, что в Блэктауне, то есть в нашем, так сказать, районе, где мы и договорились встретиться перед воскресной службой.

Пришёл я пораньше, когда народ ещё не подтянулся к маленькой церквушке об одном золотом куполочке размером с обычный дом. Староста расставлял и зажигал свечи перед образами. А к храму неспешно шёл старик с бородой, с длинными волосами, в сутане, с мягкой улыбкой, и, проходя мимо меня, спросил: «Как жизнь молодая?». И в ответ на моё: «Слава богу!» добавил: «Старая тоже не плоха...». Чем-то зацепила меня эта фраза и вылилась в стихотворение «Жизнь». Непростой, видно, оказался батюшка.

С улыбкою встречный старик
вопрошает,
На трость опираясь слегка:
«Ну, что, человече, —
как жизнь молодая?»
И с той же улыбкою сам добавляет:
«И старая жизнь не плоха.

Устроены дети, радуют внуки,
И в помыслах нету греха.
Так много умеют и сердце, и руки,
А дел ещё много, что им не до скуки.
Нет — в старости жизнь не плоха».

Погладив неспешно бородку седую,
Как притчей — короче стиха —
Заставил осмыслить он
жизнь молодую,
Чтоб каждый без горечи тоже подумал,
Что в старости жизнь не плоха.

Со старостой мы пообщались немного. Он вдобавок оказался сотрудником журнала «Австралиада» и соавтором четырёхтомной истории русских в Австралии. Кое-что я приобрёл у него, подарив пару своих сборников стихов. А стихотворение «Жизнь» послал ему по электронке уже из дома — для передачи настоятелю храма.

Когда староста прихода позже сказал мне по телефону, что передал стих батюшке и тот сразу же заказал перевод, меня это как-то смутило: на какой язык надо было переводить-то? И вот, мы пришли к Рождественской службе в храм Архистратига Михаила и не увидели того служителя. А староста сказал, что батюшка у них — индус, отец Адриан, по-русски не говорит, часть службы ведёт на церковно-славянском, часть — на английском. Действительно, вышел совсем другой человек и по облику, и по возрасту. Кто же мне являлся в прошлый раз? Или то было божественное видение с короткой поучительной притчей? Бог весть! А протодиакон носит фамилию Хадарин. Не хватает для совпадения с моим именем только «й». И странное дело, староста церковный открещивался от другого священнослужителя, с которым я (якобы, получается) общался. Чем не святочная гоголевская история? Ну, я-то доволен — стих всё-таки в подарок получил от небес в результате: моя роль, видимо, заключалась только в изложении его на бумаге...

Храм весьма скромный, с разношёрстными иконами, явно подаренными прихожанами, сбережёнными в различных перипетиях исхода из России, наверное, ещё предками их. Иконостас новодельный — тоже скромный. Некоторые иконы украшены еловыми ветками. Больше всего свечей ставят к иконе Николая-чудотворца — защитника семей, живности и моряков. Прихожане, в основном, пожилые люди. Одна женщина представилась эмигранткой из Китая с корнями из Забайкалья, другой молодцеватый, хоть и почтенный уже мужчина с лихими усами и пронзительным голубым взглядом — из Сербии — потомок кубанских казаков, ушедших с волной армии Врангеля. Сколько таких необычных и драматичных судеб? Насчёт батюшки-индуса я опешил даже: неужели Россия не может прислать своего служителя для духовного окормления бывших соотечественников?

И снова вспомнил свой эфиопский вояж: ещё в конце XIX века в эту страну послал Александр III два корабля с церковным колоколом и настоятелем будущего храма, который вместе с матросами основал в Эфиопии Русскую миссию. Думал государственный деятель о геополитике ещё в те давние времена. Каждые два года приплывали туда по два корабля с новой сменой матросов вплоть до революции 1917 года, когда о них попросту забыли. На этом месте сейчас российское посольство с вековыми эвкалиптами в пять обхватов, которые были посажены теми морячками. Осталась ещё улица Казачья и Русское кладбище. Иногда попадаются на улице красивые детки-смугляши, белобрысые и голубоглазые. А сюда, в Сидней, понимаешь, не могли прислать от патриарха нашего какого-нибудь батюшку.

Но вопрос снялся, когда я узнал, что даже в нашем районе — две русские православные церкви: Московской епархии и зарубежной православной церкви, как в данном случае, и командует ею свой патриарх Илларион, сидящий в Нью-Йорке, и мы — ему не указ, кого куда назначать. Вот так-то, оказывается.

Служба на непонятном церковно-славянском да ещё с чудовищным акцентом и без русского духа и прочувствованности совсем не впечатляет и не трогает, а потому пошли мы бродить по той части города, куда ещё не заходили пока. Вдали померещились узнаваемые стройные контуры мечети со стрелой минарета. Мы подошли к пустынному перекрёстку, оборудованному светофором с кнопкой включения для пешеходов, но он, не дожидаясь нашего действа, сам включил зелёный. А то ведь обычно, нажав-то, устаёшь ждать. А тут — аномальность.

Разглядывали явно новенькую белоснежную мечеть, и вдруг, как из-под земли, а ведь никого вокруг не было, появился улыбающийся мужчина и спросил, мол, не хотите ли посмотреть. Конечно, хотим! День и час для мусульман не молитвенный, но этот служитель открыл нам калитку, затем двери в храм, и мы, сняв обувь по мусульманскому обычаю, вошли в строгий, но богатый молитвенный зал, устланный коврами, с каллиграфическими надписями — выдержками из священного Корана. Росписи и резьбу по ганчу делали прославленные мастера из Бухары.

Двухэтажная просторная мечеть принадлежит афганской общине Сиднея. Используя свой подзабытый багаж афганского, я сразу завоевал симпатию нашего собеседника Хаджимурада. На моё восхищённое «О!» при произнесении им приставки «Хаджи», он гордо показал мне четыре пальца, и я, хоть в этом не было необходимости, начал по-афгански считать до четырёх — короче, говорил в основном то, что умел, а не то, что надо, но, переходя на английский, мы многое восполнили. Так, он в Москве был и знает улицу Горького, а я Дар-Уль-Аман в Кабуле. Раз он четырежды сумел совершить хадж в Мекку, видно, человек небедный. Предложил попить чайку. Но мы, чувствуя себя неудобно за беспокойство, поблагодарили его и откланялись, напоследок все вместе сложив молитвенно ладони и шепча благодарения Аллаху «за хлеб наш насущный».

В районе нам попадался уже афганский магазин, где с продавцом я тоже перекинулся парой фраз. Какие самумы принесли сюда гордых афганцев? Власть там менялась не раз и кардинально и не только в связи с нашим приходом и уходом. И были свои исходы, свои драмы и перипетии.

Мы вышли из мечети к тому же перекрёстку, и — «О Аллах!» — опять самовольно светофор включил пешеходный зелёный. Я внимательно посмотрел во все стороны от перекрёстка — нет ли удаляющегося предшественника, который, нажав кнопку и не дождавшись, в нетерпении пошёл уже дальше. Ан-нет — пустынно кругом. Чудеса!

Чудеса, которые, как оказалось, не окончились. Не прошли мы и двух кварталов, как услышали еле угадываемые песнопения, при приближении оказавшиеся православными. Они доносились из открытых окон православного храма Святого Николая-чудотворца Сербской общины Сиднея, тоже радостно воспевающей славу Христу. Служба рождественская здесь началась позже, чем в Русской церкви. Вёл её благообразный священнослужитель на сербском языке, абсолютно понятном и близком нам, когда звучат вечные слова благодарности Богу «за хлеб наш насущный» и пожелания «тчерпения, прошчения и лююубави». Храм кирпичный с колоколенкой. Стены внутри расписаны фресками. Они рассказывают всю Евангельскую драму от Благой вести до Воскрешения. Многоярусный иконостас тоже производит сильное впечатление. Открываются царские врата, выносятся дары. Паства уверенно подпевает молитвам на родном языке и в нужных местах возглашает «Воистину!». Мужчины в храме стоят справа, а женщины слева, у большинства головы платками не покрыты. В отличие от Русской церкви здесь больше людей среднего возраста и молодёжи.

Какие ветры перемен принесли сюда такое большое количество переселенцев? Судя по возрасту публики, здесь пахнет временами кровавого распада их родины и бомбёжки американцами Югославии. Поучительные и глубоко поэтичные рассказы сербского писателя-классика Милорада Павича пересыпаны, как бриллиантами, пословицами и поговорками, частенько с восточным колоритом. Вспомнилось: «Кто сеет в ненастье, тот пожнёт лишь свист на ветру...». Батюшка вышел к миру с корзинкой, полной просвирок, и каждого подходящего одарил.

Мы вышли и уселись отдохнуть и перекусить во дворе храма, где под навесами стояли несколько столов с лавками. Вышел батюшка запросто пообщаться со своими знакомыми из Сербской общины. Мы представились гостями из Москвы, чему он весьма рад. Случайно у меня оказались распечатанные листочки с моими стихами духовного содержания и сборник «Осенние странствия», который я подарил доброжелательному отцу Георгию Веселиновичу. Он пригласил нас за стол. Мы, по скромности своей обычной, начали отказываться, но он настоял и провёл нас в трапезную, где перед сценой в просторном зале за круглыми столами, человек на десять каждый, сидели дорогие ему люди и угощались ароматным кофе по-восточному из маленьких чашечек.

Невольно задумываешься о благородной и спасительной роли Австралии, ставшей мирным убежищем многим переселенцам и беженцам со всех концов света. Так, здесь большие диаспоры, появившиеся, в основном, во второй половине XX века: ливанцев, греков, турок, индусов, филиппинцев, тайцев, китайцев, итальянцев, вообще арабов, сенегальцев, белых южноафриканцев, которых после «чёрной» революции брали только на чёрную работу на родине, и многих других.

С этими мыслями усталый, но счастливый я уснул, чтобы под утро встать и записать мысли, переплавившиеся в слова песни «Берег надежды» по небесному велению.

Берег надежды

Когда-то здесь людей встречали,
Чтоб утолить все их печали,
Раскрыв объятия свои,
Подобно Тибру и Евфрату,
Две речки — Кук и Парраматта.
Для процветанья и любви.
Уют бесчисленных заливов
Приютом стал трудолюбивым.
Хоть и уплыли корабли
Другим нести благие вести,
Труд и надежда были вместе
Для процветанья и любви.
Хоть и создали облик новый
Высотки, Харбора подкова,
Но сохранилась суть земли.
Здесь — островок для душ уставших,
От войн и катастроф бежавших
Для процветанья и любви.

Сергей ДЗЮБА

Чары сербского Будишина

Верхнелужицкие сербы — один из самых малочисленных в мире народов, однако эти свободолюбивые и трудолюбивые люди сумели в течение тысячелетий, живя в центре Германии, сохранить свой язык и культуру, а их писатели стали классиками мировой литературы.

Оазис самобытности

Сейчас, как и в былые времена, эта община дружно живёт в городе Баутцен, недалеко от Дрездена. Они называют свой любимый город, настоящую столицу верхнелужицкой культуры, не только на немецком, но и на родном языке — Будишин.

В прошлом году мы познакомились с выдающимся верхнелужицким и немецким литератором, общественным деятелем Бенедиктом Дирлихом. Бенедикт — большой подвижник, в течение многих лет вместе со своими друзьями и коллегами он организует на своей родине международный фестиваль поэзии, пропагандируя верхнелужицкую культуру. Произведения лужицких сербов активно переводятся и издаются за рубежом, а они переводят и публикуют в своих изданиях ведущих писателей мира — на верхнелужицком и немецком языках. На упомянутом фестивале мы читали свои стихи и произведения лужицких поэтов — классика Йозефа Новака и современника Бенедикта Дирлиха — в переводах на украинский и немецкий языки.

В Баутцен из Дрездена нас подвёз на своей машине известный поэт, музыкант и певец Томаш Навка. Оба его сына-близнеца — Беньямин и Максимилиан — учились в местной сербской гимназии и так же стали писателями, имеют уже собственные книжки, как и их отец, пропагандируют верхнелужицкий язык, культуру, национальные традиции своего края. Вообще, почти все лужицкие сербы прекрасно знают родной язык (как и немецкий), они усваивают его с пелёнок. И ни у кого даже не возникает вопроса, зачем изучать верхнелужицкий. Местные жители — настоящие патриоты, их дети и внуки учатся в сербской гимназии, это — принципиально.

Запомнилось большое количество ветряков, что мечтательно светятся ночью, — симпатичные альтернативные источники электроэнергии. А ещё — цветы. Везде: на подоконниках, фасадах домов, в многочисленных оригинальных цветниках. Будишин — очень красивый, нешумный, несуетный город, где легко дышится и прекрасно думается... Причём, тут поражают и самобытный старый город, и современная архитектура — нет ни одного похожего дома — все интересные и разноцветные (например, мы жили в чудесной гостинице, стилизованной под старинный замок). И такое гармоничное вдумчивое сочетание вызывает эстетическое наслаждение.

Город этот удивительно чистый, что, впрочем, неудивительно — здесь даже двухлетний малыш чётко знает, что обёртку от конфеты надо непременно выбросить в урну. А как известно, чисто не там, где убирают, а там, где не сорят...

Тут можно часами гулять по небольшим уютным пешеходным улочкам, мощёным брусчаткой, рассматривать древние храмы и крепостные стены, побывать в интересном музее горчицы (ассортимент этого продукта там — невероятный, поэтому обычно гости покупают себе на память немного горчицы). Местные жители охотно ездят на велосипедах (и для здоровья полезно, и воздух не загрязняется), поэтому везде возле крупных магазинов есть велосипедные стоянки.

В центре города — некрополь, где похоронены известные личности, среди которых много поэтов. Литераторов здесь действительно уважают, считая элитой нации — патриотической и благородной.

Праздник настоящей дружбы

В первый фестивальный день мы выступали в Дрездене, на Вилле Августин, где устраиваются различные изысканные литературные мероприятия. Поэты из разных стран выходили на сцену вместе со своими переводчиками. Сразу привлёк внимание арабский автор, уроженец Сирии Абдельваххаб Аззави, который сейчас живёт в Дрездене. Он прекрасно владеет не только немецким, но и английским. Образованный и галантный господин, по специальности врач. Мастерски переводит произведения поэтов на арабский язык.

Приехал на нынешний фестиваль из Белграда и выдающийся сербский писатель Мичо Цвьетич, главный редактор популярной литературной газеты Knjizevne novine. Он презентовал свою новую книгу, которая вышла во Франции. Мичо — общительный и жизнерадостный. Привёз большую бутыль ракии (так называют водку в Сербии) и щедро угощал коллег. Оказалось, что поэт производит этот напиток для друзей собственноручно и по древнему чудодейственному рецепту. Во всяком случае, на следующий день действительно ни у кого не болела голова, хотя выпито было немало...

Сербский поэт и историк Любиша Симич пишет остроумные и интересные стихи для детей, печатая их на родном, а также на немецком языке, который знает в совершенстве. Он — яркий лидер сербской общины во Франкфурте-на-Майне. А уроженец солнечной Черногории — поэт и художник Игорь Ремс — живёт в Кёльне. Писатель и дипломат Ладислав Волко приехал из Словакии. Он довольно долгое время жил и работал в Польше, а также был послом в Индии, руководил словацким ПЕН-клубом. Кстати, случился забавный эпизод, когда Ладислав, завтракая, сказал удовлетворённо: «Чёрствый хлеб...». Все мы были удивлены, потому что местный душистый каравай был только что из печи. Но почти сразу же раздался дружелюбный смех: выяснилось, что «чёрствым» в Словакии называют... свежий хлеб! Вообще надо отдать должное всем верхнелужицким блюдам, которыми нас щедро угощали в Будишине. Они были только из натуральных продуктов и отличного качества.

Фестиваль традиционно проходил не только в Баутцене и Дрездене, но и в окрестных сёлах. Это были действительно незабываемые встречи и для самих участников, и для местных жителей. Интересно, что литературные вечера тут обычно происходят в... сельских церквях (костёлах). И людям это нравится! Каждая такая встреча завершается проникновенной, искренней молитвой. В одном из сёл нас просто растрогал местный хор: маленькие девочки дружно пели своими ангельскими голосами песни, которые знали ещё их прадедушки и прабабушки. Так дети сызмальства учатся уважать древние традиции своего народа.

Выступали мы и в сербской гимназии, где учатся вместе дети двух национальностей — лужицкие сербы и немцы. Ученики — вежливые, внимательные, все — верующие. Кстати, в Будишине в одной церкви мирно сосуществуют две религиозные конфессии — католическая и протестантская. Просто службы здесь ведутся в разное время, и прихожан это вовсе не тяготит — религиозных конфликтов нет.

Здесь люди много работают, но воскресенье — день отдыха. Магазины закрыты. Люди идут в церковь, часто всей семьей. А по вечерам довольно популярен Летний театр: спектакли ставят почти каждый день, и зал часто переполнен.

Одно из наших мероприятий проходило в Сербском музее, где звучали не только стихи и песни. Все мы живо обсуждали оригинальную выставку известного художника Карла Вовка, который посвящает свои работы экологическим проблемам. Местная община очень заботится о состоянии окружающей среды и дружно, упорно отстаивает свои интересы. Причём и лужицкие писатели — в первых рядах!

Запомнились выступления Томаша Навки, который виртуозно играл на старинном народном инструменте дуды (несколько напоминает по звучанию волынку и гуцульскую «козу»); колоритно исполнял свои песни на верхнелужицком языке Дитер Калка; увлечённо и ярко выступал российский поэт и музыкант из Берлина Дмитрий Драгилёв; понравился остроумный и проницательный чешский поэт Милан Грабал. А ещё фестиваль в Будишине посетили учёные из Польши, которые исследуют верхнелужицкую культуру и поэзию...

Очень приятное впечатление произвели и известные верхнелужицкие писатели — Бенедикт Дирлих, Бено Будар и Доротея Шовчина, публицист Альфонс Вичас, — настоящим патриотизмом, талантом, отзывчивостью, гостеприимством.

На празднике в Баутцене я торжественно вручил Бенедикту Дирлиху Международную литературную премию им.Николая Гоголя «Триумф» и удостоверение члена Международной академии литературы и искусства Украины. Мы договорились о дальнейшем сотрудничестве, ведь именно на таких фестивалях и появляются интересные идеи новых совместных проектов.

Для меня же лично волшебный верхнелужицкий город Будишин останется незабываемым навсегда — я верю в любовь с первого взгляда.